

Никулина Наталия Ивановна, Гливенкова Ольга Анатольевна

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНИКИ СОЗДАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ОБРАЗА
ПОСРЕДСТВОМ РЕМИНИСЦЕНТНЫХ СВЯЗЕЙ В РАМКАХ ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА (НА
МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. ВУЛЬФ "ВОЛНЫ")**

В данной работе рассматриваются особенности реализации техники создания многослойного образа для выведения реципиента внутреннего монолога в рефлексивную позицию на материале романа В. Вульф "Волны". Авторы исследовали примеры реминисценции как специфического приема текстопостроения внутреннего монолога, отражающего преемственность и богатство культурно-исторической традиции общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 137-140. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

И наконец, в образовательных заведениях существует недостаточное количество аудиторий, полностью оснащенных всей необходимой современной техникой для того, чтобы модель смешанного обучения активно внедрялась в образовательный процесс.

Таким образом, при детальном анализе преимуществ и недостатков модели смешанного обучения встает вопрос: не вытеснит ли использование информационно-коммуникационных технологий преподавателя из аудитории? Можно предположить, что этого не произойдет, поскольку язык как любой «живой организм» потребует «живого» общения с преподавателем в форме, когда обработанный самостоятельно материал общается, анализируется и используется в реальных ситуациях через решение коммуникативных задач.

Научно-технический прогресс превратил цифровые технологии в эффективный инструмент обучения, и расширение его дальнейшего использования ни у кого не вызывает сомнения.

Если говорить о языковом обучении, суммируя вышесказанное, бесспорным остается то, что большей продуктивностью будет обладать смешанное обучение.

Список литературы

1. Абдеева Н. А. Роль информационно-коммуникационного обеспечения в подготовке будущих юристов // Вестник ЧитГУ. 2010. № 3 (60). С. 70-73.
2. Желнова Е. В. 8 этапов смешанного обучения (обзор статьи «Missed Steps» Дарлин Пейнтер, журнал *Training & Development*) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obs.ru/interest/publ/?thread=57> (дата обращения: 13.05.2014).
3. Костина Е. В. Модель смешанного обучения (Blended Learning) и ее использование в преподавании иностранных языков // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Т. 1. № 2. С. 141-144.
4. Матвеев И. А., Наденна Л. В., Коротченко Т. В. Применение информационно-коммуникативных технологий в процессе обучения студентов (магистрантов) профессиональному английскому языку в Институте природных ресурсов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (11). С. 115-118.
5. Остроумова А. Ю. Использование видеоматериалов с помощью мультимедийных средств в обучении иностранному языку студентов технического вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25). С. 153-156.

FOREIGN LANGUAGE BLENDED LEARNING TECHNOLOGY: FOR AND AGAINST

Nadeina Luiza Vasil'evna, Ph. D. in Philology
National Research Tomsk Polytechnic University
naluiza@yandex.ru

The article is devoted to the topical problem of the use of a foreign language blended learning model of students; the attempt to reveal weak and strong points of this model and to prove its state of being in demand and efficiency in a foreign language studying in modern educational space, and in achieving professional and personality success by students is made.

Key words and phrases: blended learning; information technologies; motivation; information sources; innovative methods of a foreign language teaching.

УДК 81

Филологические науки

В данной работе рассматриваются особенности реализации техники создания многослойного образа для выведения реципиента внутреннего монолога в рефлексивную позицию на материале романа В. Вульф «Волны». Авторы исследовали примеры реминисценции как специфического приема текстопостроения внутреннего монолога, отражающего преемственность и богатство культурно-исторической традиции общества.

Ключевые слова и фразы: внутренний монолог; риторические техники; техника создания многослойного образа; реминисценция; реминисцентные связи.

Никулина Наталия Ивановна

Гливленкова Ольга Анатольевна, к. филол. н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
nativnik@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНИКИ СОЗДАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ОБРАЗА ПОСРЕДСТВОМ РЕМИНИСЦЕНТНЫХ СВЯЗЕЙ В РАМКАХ ВНУТРЕННЕГО МОНОЛОГА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. ВУЛЬФ «ВОЛНЫ»)©

Риторические техники выведения реципиента в рефлексивную позицию применяются и автором при создании произведения, и читателем при его восприятии. Являясь частным проявлением категории риторики, внутренний монолог способствует обогащению реципиента опытом восприятия художественного

слова и проникновения в духовный мир героев. Благодаря многообразию свойств, внутренний монолог в определенной мере способствует получению читателем эстетического удовлетворения, поскольку влияет на общий характер произведения и придает ему убедительность и психологическую глубину. Открытые мысли персонажей помогают совместить все детали для создания целостных образов. Полученная в результате картинка занимает соответствующую нишу в системе эстетических ценностей, заложенных в читательском опыте, тем самым обогащая этот опыт [3, с. 105].

Целью данной статьи является анализ потенциала техники создания многослойного образа для выведения реципиента в рефлексивную позицию в рамках внутреннего монолога. В качестве основной задачи выступает выявление конкретных примеров особого принципа текстопостроения, основанного на понятии интертекстуальности, а также установление и раскрытие реминисцентных связей. Художественные тексты, составляя культурное наследие общества, хранят в себе определенную информацию о времени, месте и о людях. Эта информация в сохраненной форме, вложенная в рамки произведения, расширяет границы его смысла и позволяет автору обратиться к культурно-историческому опыту для раскрытия замысла произведения, в чем и состоит принцип интертекстуальности (термин введен в 1967 г. теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой). Но как точно подметила доктор искусствоведения Марианна Высоцкая: «Интертекстуальность как условие и способ существования текста в семиотической культурной среде применительно к композиционному процессу отдельного художника обретает значение методологии. У каждого творца – свои коды, приемы, своя технология структурирования межтекстовых взаимосвязей» [2, с. 19]. Определенно, в работе каждого автора можно отметить уникальные особенности реализации техники создания многослойного образа. Роман «Волны» В. Вульф представляет для нас особый интерес, поскольку он построен по принципу прямого озвучивания мыслей героев. В своих произведениях писательница не раз прибегала к отражению окружающего мира через призму сознания человека, но здесь мы впервые встречаемся со своеобразным «многоголосым» потоком сознания.

Все шестеро героев романа имеют черты, позволяющие проводить литературные и исторические параллели. Бернард, Невил, Луис, Сьюзен, Рода и Джинни проживают одинаковые этапы жизни, иногда совпадая, иногда пересекаясь в силу обстоятельств. Их мысли, словно детали головоломки, уникальны и неразделимы. В то же время, у каждого есть характерные черты и особенности восприятия.

Джинни олицетворяет любовь и чувственность. Она любит себя, ей легко, и ничто не может нарушить эту легкость. Только на склоне лет у нее появляются мысли о мимолетности всего прекрасного, и она втайне завидует молодости.

Сьюзен домашняя, семейная, она воплощение материнства и духовного единения с природой. Больше всего она страдает от разлуки с домом и, возвращаясь, избавляется от тяжести, давившей на нее обстановки, от тесного ненавистного Лондона. Она сливается воедино с окружающим ее миром и прибывает в состоянии абсолютного счастья:

At this hour, this still early hour, I think I am the field, I am the barn, I am the trees; mine are the flocks of birds, and this young hare who leaps, at the last moment when I step almost on him. Mine is the heron that stretches its vast wings lazily; and the cow that creaks as it pushes one foot before another munching; and the wild, swooping swallow; and the faint red in the sky, and the green when the red fades; the silence and the bell; the call of the man fetching cart-horses from the fields – all are mine. I cannot be divided, or kept apart [5]. / В этот час, пока еще не очнулось утро, мне кажется, что сама я – поле, денник, я – вяз; мои – стаи птиц, и этот зайчишка, который прыснул в последний миг, не то бы я на него наступила. Моя – праздно расправившая крылья цапля; и корова, которая, похрустывая, жует на ходу и одну вслед другой ставит ноги; и реющая, ныряющая ласточка; и тихая алость в небе; и прогалы зелени там, где погасла алость; и тишина, и колокола; и крики возчика, ведущего с луга ломовиков, – все мое [1].

Реминисценция заключается в заимствовании образов и провоцирует реакцию читателя в виде ассоциаций с другими произведениями или историческими событиями. Рефлексия реципиента в данном случае зависит от его опыта и знаний, реализующихся в процессе осмысления содержания текста. Сьюзен и Джинни своими качествами настойчиво напоминают героинь из романов Джейн Остин, они такие же откровенные, цельные и эмоционально богатые. Определив свое место в жизни, они верно следуют выбранному пути и гордо несут бремя собственных достоинств.

В образе Луиса четко просматриваются черты, заимствованные у героев Достоевского. Он горд и скрытен, тянется к общению, но отталкивает от себя людей, боясь проявить свои недостатки. Он целеустремлен и практичен, умеет концентрироваться на предметах, делает выбор и идет к цели. При этом он одинок и порочен. Причины этого лежат в детстве, когда он остро и болезненно ощущал превосходство других детей. Позже он обретает уверенность в себе, но при встрече с друзьями спустя какое-то время он осознает, что так и не смог избавиться от гнета сомнений:

The differences are not yet solved. Flowers toss their heads outside the window. I see wild birds, and impulses wilder than the wildest birds strike from my wild heart. My eyes are wild; my lips tight pressed. The bird flies; the flower dances; but I hear always the sullen thud of the waves; and the chained beast stamps on the beach. It stamps and stamps [5]. / Не все противоречия сглажены. За окном качают головами цветы. Я вижу диких птиц, и порывы, более дикие, чем эти птицы, терзают мое дикое сердце. У меня дикий взгляд; и закушен рот. Проносится птица; танцует цветок; а я только и слышу угрюмое буханье волн; огромный зверь прикован за ногу цепью. И топает, топает [1].

Постепенно его комплексы по отношению к остальным перерастают в откровенную зависть и неприязнь. Невил говорит о нем: «смесь робости и спеси». С годами его комплексы теряют остроту, но он не может избавиться от одиночества в душе:

Life has been a terrible affair for me [5]. / *Вся жизнь была для меня чудовищной передрагой* [1].

Невил – романтик и поэт. В этом персонаже можно рассмотреть Байрона и Уайлда. В нем живут бунтарь и лирик. Он способен наслаждаться и страдать, тосковать и надеяться одновременно. Его речь поэтична и богата неповторимыми эпитетами:

The clouds lose tufts of whiteness as the breeze dishevels them. If that blue could stay for ever; if that hole could remain for ever; if this moment could stay for ever [5]. / *Если бы эта синь могла остаться навеки; если бы все так и осталось навеки; если бы никогда не кончалась эта минута* [1].

В колледже он окончательно раскрывается и утверждает в своем призвании:

Now begins to rise in me the familiar rhythm; words that have lain dormant now lift, now toss their crests, and fall and rise, and fall and rise again. I am a poet, yes. Surely I am a great poet [5]. / *И знакомый ритм набухает во мне; сонные слова просыпаются, накатывают, взметают гребни, опадают, накатывают, опадают и накатывают опять. Я поэт, да. Ну конечно, я великий поэт* [1].

Начинается новый этап в его жизни: весь запас эмоций, ощущений, всё, что было приобретено, разрастается внутри, самостоятельно развивается, рождает вопросы и ответы. Он обречен, как все поэты, любить, страдать и сомневаться.

Рода – одинокая натура с воображением, не имеющим границ. Она путешествует в своем нереальном мире, боится всего и начинает придумывать образы, связанные со смертью. В ее мыслях, фразах, в том, как несвязанны с реальностью и одновременно прекрасны ее фантазии, мы улавливаем отголоски поэтики Шелли и слышим грустные песни Офелии Шекспира:

I am left alone to find an answer. The figures mean nothing now. Meaning has gone. The clock ticks. The two hands are convoys marching through a desert. The black bars on the clock face are green oases. The long hand has marched ahead to find water. The other, painfully stumbles among hot stones in the desert. It will die in the desert [5]. / *Я осталась одна искать ответ. Цифры теперь совсем ничего не значат. Смысл ушел. Тикают часы. Стрелки караваном тянутся по пустыне. Черные черточки на циферблате – это оазисы. Длинная стрелка выступила вперед на разведку воды. Короткая спотыкается, бедная, о горячие камни пустыни. Ей в пустыне и умирать* [1].

Жизнь протекает мимо нее, не оставляя значимых впечатлений. Это нежное существо «не от мира сего» страдает от необходимости существовать в реальном мире и, наконец, раскрыв перед собой одну из созданных ее воображением картин и шагнув в нее, уходит из жизни по собственному желанию. И даже ее смерть символична – она утонула, как трагически утонул Шелли, как навсегда вошла в воду шекспировская Офелия.

Наверное, самый открытый и в то же время самый сложный персонаж романа – это Бернард. Он замечает и анализирует всё, что происходит вокруг, мечтает использовать свои заметки для написания чего-то грандиозного. Но наблюдая за другими, он все сильнее погружается в самопознание, обращается к собственному «я»:

But you understand, you, my self, who always comes at a call (that would be a harrowing experience to call and for no one to come; that would make the midnight hollow, and explains the expression of old men in clubs – they have given up calling for a self who does not come), you understand that I am only superficially represented by what I was saying tonight [5]. / *Но ведь ты-то знаешь, ты, мое я, всегда поспевающее на зов (жуткое, надо полагать, впечатление, когда позвал, а никто не явился; оно делает полой полночь и объясняет странное выражение, присущее к лицам клубных стариков, – они отчаялись вызывать свое я, которое не приходит), ты-то знаешь, как поверхностно я представлен тем, что сегодня вечером говорил* [1].

Страшнее всего для него одиночество, отсюда рождается неуверенность в себе, в результатах своей работы. В глубине души он сомневается, что его книга когда-нибудь увидит свет. Его образ включает многие черты и характеристики самой писательницы. Особенно ясно эта реминисценция прослеживается в заключительном монологе Бернарда, где он подводит итоги, называя вещи своими именами и одновременно отождествляя себя со всеми, кто был близок и дорог ему на протяжении всей жизни. Этот собирательный образ символизирует жизнь, наполненную острыми эмоциями и крайне противоречивыми состояниями, в чем усматривается некая степень автобиографичности романа. В его уста писательница вкладывает риторические вопросы, которые, очевидно, преследовали ее саму:

We are drawn into this communion by some deep, some common emotion. Shall we call it, conveniently, «love»?.. We have come together to make one thing, not enduring – for what endures [5]? / *Нас влекло и соединяло одно глубокое, одно общее чувство. Не назвать ли его условно – «любовь»?.. Мы пришли друг к другу, чтобы нечто создать, пусть не вечное – но что вечно* [1]?

But if there are no stories, what end can there be, or what beginning [5]? / *Но если нет никаких историй, какой же будет конец, какое начало* [1]?

В. Вульф восхищалась творчеством Байрона и Шелли. С работами Ф. М. Достоевского она познакомилась в начале своей писательской карьеры. Впоследствии она не раз обращалась к его романам, перечитывая и по-новому осмысляя их эстетическое, философское и психологическое содержание [4, с. 212]. Писательница высоко ценила этих авторов. Реминисценции на их стиль письма и на их героев сыграли важную роль при создании образов в романе. Достижение эффекта многослойности через реминисценцию позволяет выстраивать новые смыслы в зависимости от проводимых параллелей. Обращение к классическим сюжетам и героям позволяет читателю расширить рамки созданных автором портретов персонажей и получить

возможность более глубокого осознания их человеческой и духовной сущности. Особенно эффективно в этом плане многократное наложение разных картин мировосприятия и их взаимодополняемость, которые в комплексе с другими авторскими приемами создают уникальные многослойные образы.

Реминисцентные связи наполняют внутренние монологи тонкими гранями смысла, доступного при подключении к интерпретации богатого культурно-исторического опыта. Реципиент не ограничивается толкованием идей, заложенных автором (учитывая специфику романа «Волны» В. Вульф, это само по себе достаточно непросто), но в его сознании формируются отражения образов на основе его читательского опыта и особенностей личностного восприятия. Техника создания многослойного образа в частности за счет реминисценции способствует более полному раскрытию характеров и расширению спектра эмоциональных состояний героев, таким образом, обеспечивая психологическую глубину произведения.

Список литературы

1. Вульф В. Волны [Электронный ресурс] / пер. с англ. Е. Суриц. URL: http://royallib.ru/read/vulf_virdginiya/volni.html#0 (дата обращения: 25.04.2014).
2. Высоцкая М. К теории интертекстуальности: о принципе цитации в творчестве Фараджа Караева // Музыковедение. М.: Научтехлитиздат, 2010. № 10. С. 17-21.
3. Макеева М. Н., Никулина Н. И. Герменевтический аспект внутреннего монолога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27). Ч. 1. С. 102-106.
4. Хасиева М. А. Роль автора и читателя в творчестве В. Вульф // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6. С. 210-212.
5. Woolf V. The Waves [Электронный ресурс]. URL: <http://ebooks.adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/w91w/> (дата обращения: 25.04.2014).

THE PECULIARITIES OF REALIZATION OF TECHNIQUE OF MULTILAYER IMAGE CREATION BY MEANS OF REMINISCENT RELATIONS WITHIN THE INNER MONOLOGUE (BY THE MATERIAL OF V. WOOLF'S NOVEL "THE WAVES")

Nikulina Nataliya Ivanovna
Glivenkova Olga Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tambov State Technical University
nativnik@mail.ru

In the article the peculiarities of realization of technique of multilayer image creation to put a recipient of the inner monologue into the reflective position by the material of V. Woolf's novel "The Waves" are considered. The authors study the examples of reminiscence as a specific method of text construction of inner monologue which reflects the succession and wealth of cultural and historical tradition of the society.

Key words and phrases: inner monologue; rhetorical techniques; technique of multilayer image creation; reminiscence; reminiscence relations.

УДК 811.512.145

Филологические науки

Статья посвящена освещению определенного этапа истории татарской лексикографии, в которой изучение отдельных видов словарей и оценка труда лексикографов до сих пор остается актуальной проблемой. Несмотря на то, что лексикографические труды многократно использовались и используются в качестве источника исследования лексики той или иной эпохи, разных лексико-семантических групп, словари комплексно не изучены и требуют дальнейших исследований. Кропотливый труд составителей словарей также должен найти достойное освещение в научной литературе. В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка дать общую характеристику татарско-русским словарям начала XX века и изложить краткую информацию об их составителях.

Ключевые слова и фразы: лексикография; татарско-русские словари; составитель; словник; арабская графика.

Нурмухаметова Раушания Сагдатзяновна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
rsagadat@yandex.ru

ТАТАРСКО-РУССКИЕ СЛОВАРИ XX ВЕКА И ИХ СОСТАВИТЕЛИ (ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД)[©]

Лексикографические издания содержат огромную информацию о языке и культуре народа. Они являются своеобразными «путеводителями по словарному миру» [5, с. 4], поэтому разного направления филологические, исторические, культурологические и т.п. исследования невозможны без обращения к различным словарям.